

момъ, напр., ст. 19-й второй главы. За словами Бога въ 18 стихѣ: *сотворимъ ему помощника* непосредственно слѣдуютъ слова 19-го стиха, буквальный переводъ которыхъ съ еврейскаго подлинника нужно сдѣлать такъ: „и образовалъ Іегова Елогимъ изъ земли (изъ почвы—*адама*) всякое животное поля и всякую птицу небесъ и привелъ къ человѣку“. Чтобы объяснить новое появленіе животныхъ, о сотвореніи которыхъ сказано въ первой главѣ, LXX вставили частицу *ἔτι*, которая должна обозначать новый актъ творенія: *καὶ ἔπλασεν ὁ Θεὸς ἔτι*, слав.: *и созда Богъ еще отъ земли* и т. д. Русскій переводчикъ и переводчикъ Вульгаты пошли инымъ путемъ: они не поставили ст. 19 въ непосредственную связь съ предшествующимъ и устранили прямую хронологическую послѣдовательность моментовъ „сотворимъ“ и „образовалъ“. Поэтому переводчикъ Вульгаты вмѣсто: *et formavit Dominus Deus etc.* ставить: *formatis igitur, Dominus Deus, de humo sanctis animantibus...* Русскій вмѣсто „и образовалъ Господь Богъ изъ земли“—переводитъ: *Господь Богъ образовалъ* и т. д., т. е. опускаетъ соблазнительный союзъ *и* (еврейск. *Vav consecutivum*) и безъ нужды измѣняетъ порядокъ словъ. Приведенныя основанія, повидимому, неопровержимо доказываютъ, что передъ нами два различныя сказанія и оба неодинаковаго происхожденія; но строго говоря, если ихъ разсматривать исключительно съ историко-литературной точки зрѣнія, они ничего не говорятъ противъ происхожденія книги Бытія и всего Пятокнижія отъ Моисея. Непонятно, какъ Моисей могъ поставить рядомъ два противорѣчивыхъ сказанія; но неужели хотъ насколько нибудь болѣе понятенъ подобный же образъ дѣйствія со стороны позднѣйшаго редактора Пятокнижія? Позднѣйшій редакторъ, говорятъ, напелъ два сказанія и не могъ изъ нихъ сфабриковать удовлетворительнымъ образомъ третьяго, а потому оставилъ ихъ безъ измѣненія, предоставляя читателю понимать ихъ, какъ знаетъ. Точъ въ точъ также могъ поступить и Моисей, потому что въ его распоряженіи могли быть различныя устныя и письменныя преданія древнѣйшей эпохи.

Этого отвѣта было бы довольно для тѣхъ, кто смотритъ на Моисея, какъ на обыкновеннаго писателя; но православная Церковь признаетъ его писателемъ боговдохновеннымъ

и тѣмъ самымъ отрицаетъ всякую возможность противорѣчій въ его произведеніяхъ, какъ произведеніяхъ Духа Божія: вслѣдствіе чего возраженіе остается въ полной силѣ, — и это налагаетъ на насъ обязанность подвергнуть его тщательному разсмотрѣнію. Съ этой цѣлю мы приступимъ къ экзегетическому анализу второго сказанія о твореніи. Прежде всего представляетъ вопросъ: гдѣ кончается первое сказаніе о твореніи и гдѣ начинается второе? Стихъ 3-й второй главы безспорно принадлежитъ къ первому сказанію, 5-й ко второму, а относительно 4-го стиха мнѣнія расходятся: большинство древнихъ и нѣкоторые изъ новыхъ считаютъ начальныя слова этого стиха: *вотъ происхожденіе неба и земли. при сотвореніи ихъ*, весьма важныя въ экзегетическомъ отношеніи, надписаніемъ дальнѣйшаго разказа; къ числу ихъ относится и русскій переводчикъ, который соединяетъ стихи 4, 5 и 6 въ одинъ длинный періодъ; и въ подлинномъ еврейскомъ текстѣ, въ масоретской его редакціи, предъ 4-мъ стихомъ поставленъ знакъ, называемый „петуха“, который служитъ для раздѣленія отдѣловъ Писанія; съ еврейскимъ согласуется и греческій переводъ LXX. Большинство изъ новѣйшихъ толкователей (между ними — всѣ послѣдователи отрицательной критики, вопреки преданію древнееврейскихъ ученыхъ) отдѣляютъ указанныя слова отъ послѣдующаго и принимаютъ ихъ за эпилогъ, или заключеніе перваго сказанія. Основанія новѣйшаго мнѣнія заключаются въ слѣдующемъ: 1) если слова: „вотъ происхожденіе неба и земли“ составляютъ надписаніе къ послѣдующему, то ниже нужно искать разказа о происхожденіи неба и земли, чего не находимъ: вмѣсто этого повѣствуется о созданіи человѣка, насажденіи рая и прочемъ. 2) Выраженіе „при сотвореніи ихъ“ (евр. *бегиббарсам* отъ *бар* — творить изъ ничего, въ противоположность *аса*, *мар* и пр.) не соотвѣтствуетъ актамъ божественной дѣятельности, о которыхъ говоритъ второе сказаніе. 3) Безъ этихъ заключительныхъ словъ первое сказаніе было бы не закончено. Разсмотримъ эти основанія по порядку.

Дѣйствительно, если еврейск. техническій терминъ *толедот* передавать словами: „происхожденіе“, нѣмецк. *Entstehung*, тогда трудно въ дальнѣйшихъ стихахъ отыскать что-либо соотвѣтствующее ему. Но и искать не слѣдуетъ, потому

что *толедот* передается невѣрно, несогласно съ употребленіемъ его въ другихъ мѣстахъ книги Бытія. *Толедот* не значить „происхожденіе“. Такъ въ 1-мъ стихѣ 5-й главы, равнымъ образомъ—въ 9-мъ стихѣ 6-й главы и еще въ восьми мѣстахъ книги Бытія ¹⁾ мы находимъ совершенно одинаковыя еврейскія выраженія;—напр., 6, 9: „вотъ *толедот* Ноя“; 10, 1: „вотъ *толедот* сыновъ Ноевыхъ“. Но послѣ этихъ выраженій, составляющихъ надписаніе соответствующихъ отдѣловъ, никто не будетъ искать, напр., свѣдѣній о происхожденіи сыновъ Ноевыхъ. Русскій переводчикъ въ разбираемомъ мѣстѣ воспользовался словомъ „происхожденіе“ потому, что въ русскомъ языкѣ нѣтъ слова, соответствующаго еврейскому *толедот*. Въ другихъ мѣстахъ русскаго перевода оно передается словомъ „родословіе“ ²⁾, иногда—„житіе“; ³⁾ но и эти термины нельзя признать удачными. Одинаковыми недостатками страдаютъ и другіе переводы. У LXX на мѣсто *толедот* поставляются то *γενεαις*, то *αι γενεαις*; въ Вульгатѣ—*generaciones*; въ славянскомъ: „бытіе, бытія (множ. число), родове, роди“, смотря по тому, какое изъ этихъ словъ болѣе приличествуетъ извѣстному мѣсту. Но и изъ греческихъ, латинскихъ, славянскихъ и всякихъ другихъ словъ нѣтъ ни одного подходящаго; болѣе прочихъ пригодно развѣ слово „бытіе“. Въ самомъ дѣлѣ: въ 36-й главѣ Бытія, стихъ 1-й, читаемъ: „вотъ *толедот* Исава“. Это—надписаніе къ слѣдующимъ стихамъ со 2 по 8-й включительно. Въ нихъ сообщается не только о потомкахъ Исава, но и о тѣхъ перемѣнахъ, которыя совершились со всѣмъ родомъ Исава, объ отдѣленіи Исава отъ Іакова и поселеніи его внѣ предѣловъ земли Ханаанской со всѣмъ своимъ племенемъ. Еще болѣе любопытный примѣръ представляетъ 2-й стихъ 37-й главы: „вотъ *толедот* Іакова“. Послѣ этого не слѣдуетъ и родословнаго списка потомковъ Іакова, а прямо разсказывается о различныхъ событіяхъ, которыя случились съ нимъ самимъ и съ членами его семьи; родословіе помѣщается значительно ниже въ 46-й главѣ. То же самое въ 6-й главѣ, ст. 9. Послѣ вводныхъ словъ: „вотъ *толедот* Ноя“ находимъ характеристику его нравственныхъ качествъ.

¹⁾ См. W. Gesenius' HWB, 15-te Aufl.

²⁾ Быт. 5, 1; 10, 1; 36, 1 и др.

³⁾ Быт. 6, 9; 37, 2.

упоминаніе о рожденныхъ имъ сыновьяхъ, а затѣмъ—повѣствованіе о потопѣ, въ которомъ главный интересъ сосредоточивается на судьбѣ Ноя и его потомства. Изъ приведенныхъ примѣровъ видимъ, что терминъ *толедот* можно передать лишь описательно (мы, по крайней мѣрѣ, не нашли ему соответствующаго въ русскомъ языкѣ). Выраженіе: „вотъ *толедот* неба и земли“ можетъ быть прологомъ къ повѣствованію о всякихъ событіяхъ, которыя имѣли мѣсто подъ небомъ—на землѣ, о всякихъ важныхъ перемѣнахъ, которыя совершились въ мірозданіи; и потому, взятое само по себѣ, это выраженіе было бы одинаково умѣстно какъ въ началѣ перваго сказанія, такъ и въ началѣ второго. Помѣщеніе его вообще въ началѣ, въ видѣ пролога, было бы совершенно согласно съ другими мѣстами Свящ. Писанія, потому что нигдѣ оно не употребляется въ качествѣ эпилога, или заключенія. Поэтому то, напр., Шрадеръ, ¹⁾ признающій связь разбираемаго выраженія съ первымъ сказаніемъ, прибѣгаетъ къ предположенію, что оно первоначально помѣщено было ранѣе 1-го стиха 1-й главы, а неизвѣстный редакторъ, по неизвѣстной причинѣ, перенесъ его оттуда и поставилъ на теперешнемъ мѣстѣ; а Деличъ ²⁾ высказываетъ мнѣніе, что, вѣроятно, послѣ этихъ словъ совсѣмъ пропущенъ цѣлый отдѣлъ подлиннаго текста. Какъ бы то ни было, по выраженіе: „вотъ *толедот* неба и земли“ должно быть прологомъ, а не эпилогомъ.

Указаніе на выраженіе „бегиббареам“—„при сотвореніи ихъ“, какъ на ясный признакъ связи 1-й половины 4-го стиха съ предшествующимъ, не имѣетъ никакого значенія. Оно вытекаетъ изъ неправильнаго пониманія значенія глагола *бара*, которымъ злоупотребляютъ догматисты для доказательства факта сотворенія міра изъ ничего, и легко опровергается нижеслѣдующимъ мѣстомъ, которое представляетъ полную параллель къ разбираемому. Въ 5-й главѣ (начало) читаемъ: *вотъ „книга теледот“ Адама, въ то время, когда (въ подлинникѣ одинаковое выраженіе: бегіом) Богъ сотворилъ (беро) чelовѣка.* Изъ того, что здѣсь сказано „сотворить“ (*беро* отъ

¹⁾ Studien zur Kritik und Erklärung der biblischen Urgeschichte. Zürich, 1863.

²⁾ Schrader, op. cit., S. 27.

бара), никто не сдѣластъ заключенія о сотвореніи чловѣка изъ ничего. Наконецъ, въ случаѣ отнесенія первой половины 4-го стиха къ послѣдующему, нимало не нарушается цѣлостность и округленность 1-го сказанія. Оно и безъ того имѣетъ вполнѣ ему соотвѣтствующій эпилогъ: *такъ совершены небо и земля и все воинство ихъ и далѣе до 3-го стиха включительно: и благословилъ Богъ седьмый день и освятилъ его; ибо въ оный почилъ отъ встхъ дѣлъ Своихъ, которыя Богъ творилъ и созидалъ.*

Итакъ, традиціонное еврейское раздѣленіе 3-го стиха отъ 4-го нужно признать совершенно правильнымъ. Прологъ: „вотъ *толедот* неба и земли“ напередъ даетъ понять, что пойдетъ рассказъ о событіяхъ, имѣющихъ отношеніе къ небу и землѣ, т. е. ко всему міровому цѣлому. Нѣкоторое недоумѣніе можетъ возбуждать, пожалуй, отсутствіе въ послѣдующемъ упоминанія о небѣ; но во второй половинѣ 5-го стиха говорится о томъ, что Богъ еще не послалъ дождя; дождь, по представленіямъ еврейскимъ, имѣетъ тѣснѣйшую связь съ небомъ, какъ его особенный продуктъ. Впрочемъ, если и не видѣтъ здѣсь никакой соприкосновенности съ небомъ, и тогда недоумѣніе устраняется параллельнымъ мѣстомъ изъ книги Чиселъ, гл. 3, стихи 1—4 включительно, которые, по масоретскому раздѣленію, составляютъ цѣлый отдѣлъ. Въ 1-мъ стихѣ сказано „вотъ *толедот* Аарона и Моисея“, но стихи 2, 3, 4 имѣютъ отношеніе исключительно къ Аарону. Моисей здѣсь поставленъ наряду съ Аарономъ, какъ лицо одной семьи, родной братъ; то же соображеніе, безъ натяжки, приложимо и къ разбираемому мѣсту. Выраженіе „бегиб-бареам“— „при сотвореніи ихъ“ указываетъ на тотъ пунктъ времени, съ котораго Бытописатель хочетъ начать дальнѣйшее повѣствованіе; оно не означаетъ: „послѣ того, какъ были сотворены“; но— „въ то время, когда совершался процессъ ихъ творенія“, и показываетъ, что писатель имѣетъ въ виду повѣствованіе 1-й главы, гдѣ сообщается объ этомъ процессѣ, и къ нему приспособляетъ и этотъ свой рассказъ.

Для пониманія дальнѣйшихъ словъ разсказа русской переводъ не представляетъ твердыхъ данныхъ. Цѣлыхъ три стиха соединяются въ одну обширную тираду съ длинной вереницей придаточныхъ предложений, — противную духу еврейской рѣчи. Причина неясности перевода заключается

въ томъ, что между толкователями не установилось должнаго согласія относительно словъ: *въ то время, когда Господь Богъ создалъ землю и небо*. Тѣ толкователи, которые отдѣляютъ къ предшествующему начальныя слова стиха, поневолѣ соединяють придаточное предложеніе: *въ то время, когда Господь Богъ создалъ землю и небо* съ послѣдующимъ; потому что 2-е сказаніе не могло бы начинаться словами: *и всякій полевой кустарникъ*. Русскій и славянскій переводы слѣдуютъ за греческимъ, въ которомъ „полевой кустарникъ“— *καὶ χλωρὸν ἀρούρι* и „всякая полевая трава“— *πάντα χόρτον ἀρούρι* поставляются въ прямую зависимость (винит. падежь) отъ „создалъ“. Также и въ Вульгатѣ. Но это невѣрно, а неправильность перевода вытекаетъ изъ передачи у LXX евр. *терем* предлогомъ *прѣ*, „прежде“, вслѣдствіе чего „кустарникъ и трава“ остались безъ сказуемаго. Въ подлинникѣ 4-й стихъ отдѣляется отъ пятаго длинной паузой,—удержавъ которую, можно получить смыслъ совершенно правильный. „Вотъ *толедот* неба и земли при сотвореніи ихъ въ день, или во время созданія Господомъ Богомъ земли и неба“. Слова: „въ день созданія земли и неба“ точнѣ опредѣляютъ моментъ времени, выраженный въ словахъ „при сотвореніи ихъ“. Дальнѣйшее нужно перевести такъ: „и никакого полевого кустарника не было еще на землѣ, и никакая полевая трава еще не росла“. Въ пользу правильности перевода стиха пятаго мы можемъ сослаться на 1 Самуила (1 Царствъ) 3, 3: *и свѣтильникъ Божій еще не погасъ* и Нав. 2, 8: *они еще не заснули* ¹⁾. Въ подлинникѣ частица *терем*— „еще не“ занимаетъ то же мѣсто—послѣ подлежащаго и имѣетъ одинаковое значеніе. Начиная изложеніе, послѣ пролога, союзомъ „и“: „и никакого полевого кустарника еще не было на землѣ“—мы не сдѣлали ошибки противъ еврейской стилистики: не только отдѣлы книгъ, но и цѣлыя книги (Иезекіиля, Іоны) начинаются съ союза „и“; а въ книгѣ Чиселъ мы находимъ полную параллель къ разбираемому мѣсту: „вотъ *толедот* Моисея и Аарона въ день, когда говорилъ Іегова Моисею на горѣ Синаѣ. И вотъ имена сыновъ Аарона“. Смыслъ будетъ такой: Бытописатель переносится къ тому моменту при сотвореніи неба и земли, когда Богъ

1) Сив.: *прежде нежели они легли спать*.

создалъ (*аси*, а не *барі*) землю и небо. Небо (*шамам*) создано во 2-й день, земля—въ началѣ 3-го дня, когда вода подѣ небомъ собралась въ одно мѣсто и явилась суша, которую Богъ назвалъ землею (*ерен*). Слѣдовательно, пунктъ, съ котораго начинается разсказъ о *толедот* неба и земли,—конецъ второго дня творенія и начало третьяго—до появленія на землѣ растеній. Съ этимъ вполнѣ согласны дальнѣйшія свѣдѣнія, сообщаемыя Бытописателемъ: *и никакого полевого кустарника еще не было на землѣ, и никакая полевая трава еще не росла.* ¹⁾

Изъ самаго начала этого мнимо противорѣчащаго первому сказанія видно, что авторъ поставляетъ его въ тѣсную связь съ первымъ и въ предѣлахъ перваго повѣствованія, отличающагося хронологическою точностью, останавливаетъ вниманіе на тѣхъ пунктахъ, которые имѣютъ значеніе для дальнѣйшаго его повѣствованія въ томъ или другомъ отношеніи. Писатель не упоминаетъ, подобно тому какъ въ 1-й главѣ, зелени, травы, съющей сѣмя, ни дерева плодovitаго, приносящаго плодъ по роду его. Онъ говоритъ о полевомъ кустарникѣ, о полевой травѣ (*сіах гассадѣ, есев гассадѣ*). Кейль полагаетъ, вмѣстѣ со многими другими толкователями, что этими наименованіями писатель хотѣлъ указать на культурныя растенія, въ противоположность дико растущимъ, потому что поле (*садѣ*), по Кейлю, означаетъ землю, удобную для культуры. ²⁾ Но это значеніе измышлено специально для разбираемаго мѣста: *садѣ* означаетъ вообще лугъ, выгонъ и противопоставляется то пустынѣ, то землѣ, находящейся въ чертѣ города деревни. Названія „полевой кустарникъ, полевая трава“ выбраны писателемъ, наоборотъ, какъ противоположность растеніямъ культурнымъ, которыя встрѣчаются рѣже и требуютъ воздѣлыванія и ухода; и дѣлая этотъ выборъ, хотѣлъ сказать какъ бы такъ: не то что плодовыхъ деревьевъ и культурныхъ растеній и злаковъ не было, не было даже полевыхъ кустарниковъ и травъ (ср. 3, 18: *тер-*

¹⁾ Такъ по переводу Вѣнск. изд.; по Синод.: *и всякій полевой кустарникъ, котораго еще не было на землѣ, и всякую полевую траву, которая еще не росла.*

²⁾ *Bibfischer Commentar über die Bücher Mose's. Erster Band: Genesis und Exodus. Leipzig, 1861. S. 39.*

и волцы произраститъ она (земля) *тебѣ; и будешь питаться полевомъ травою*). Что контрастъ этотъ, возникшій не безъ вліянія 11—12 стиховъ 1-й главы, дѣйствительно, былъ въ мысли у автора, подтверждается дальнѣйшими словами: *ибо Господь Богъ не посылалъ дождя на землю (ерси—земля, какъ цѣлая планета со всѣмъ находящимся на ней) и не было чловѣка для воздѣланія почвы (адама)*. Здѣсь ясно выступаетъ представленіе о культурной дѣятельности чловѣка.

Шестой стихъ въ извѣстныхъ намъ переводахъ есть болѣе толкованіе, чѣмъ буквальная передача подлинника,—именно: въ русскомъ читаемъ: *но парь поднимался съ земли и орошалъ все лице земли*; греческій, славянскій и Вульгата еще дальше отъ подлинника, чѣмъ русскій: вмѣсто *ед—„парь“* греческій поставляетъ неправильно *πῦρ*, слав. „источникъ“, лат. *fontes*. Мы предпочитаемъ перевести, согласно съ подлинникомъ: „и парь пошелъ отъ земли и наполнилъ все лицо (поверхность) земли“ (точнѣе—„почвы“—*адама*, а не *ерси*). Эти слова, по нашему мнѣнію, не составляютъ противоположенія предыдущему не только грамматическаго, но и логическаго. Господь не посылалъ дождя, и не было чловѣка для воздѣлыванія земли; но парь выходилъ и орошалъ. Въ чемъ тутъ противоположеніе? Конечно, въ угоду гилозоической гипотезѣ, можно составить себѣ представленіе объ илистой и влажной поверхности земли съ заключенными въ ней зародышами органической жизни,—поверхности, окутанной густымъ непрогляднымъ туманомъ; можетъ быть, это представленіе и будетъ красиво, но оно не имѣетъ основанія въ текстѣ. Правильнѣе поставить стихъ 6-й въ параллель съ 7-мъ. Основаніе къ параллели даны въ 5-мъ стихѣ, гдѣ указаны двѣ причины отсутствія всякой, даже дикой растительности: 1) отсутствіе плодотворной силы дождя и 2) культурнаго воздѣйствія со стороны чловѣка. Что же требовалось для появленія дикой и культурной растительности? Съ одной стороны, появленіе правильнаго орошенія посредствомъ дождя; съ другой, появленіе высшей культурной силы—чловѣка, одареннаго способностью улучшать и видоизмѣнять природу дикихъ растений. То и другое и было сдѣлано: и дождь пошелъ для орошенія почвы (ст. 6-й), и чловѣкъ созданъ Богомъ (ст. 7) въ полномъ

обладанія жизненными силами, необходимыми для обладанія землей и воздѣлыванія ея почвы. Тутъ повѣствованіе клонится къ тому, чтобы изобразить далѣе жизнь человѣка въ раю, гдѣ онъ могъ примѣнить вложенныя въ него Богомъ способности; и ошибочно думать, что авторъ изображаетъ послѣдовательность моментовъ въ происхожденіи органической жизни. Что онъ мало заботится объ этой послѣдовательности, указанной въ повѣствованіи 1-й главы; но идетъ къ другой цѣли,—до очевидности ясно изъ послѣдующаго. Ст. 8: *и насадилъ Господь Богъ рай (т.-е. садъ) въ Едемъ на востокъ, и помѣстилъ тамъ человѣка, котораго создалъ.* Ст. 9: *и произрастилъ Господь Богъ изъ земли всякое дерево, пріятное на видъ и хорошее для пищи, и дерево жизни посреди рая, и дерево познанія добра и зла.* Стихъ 9-й описываетъ не появленіе растительности вообще, а насажденіе рая; здѣсь упоминается дерево жизни посреди рая: дерево познанія добра и зла, по 3-й главѣ, было тоже въ раю: тамъ же были и деревья, „пріятныя на видъ и хорошія для пищи“; и Богъ, по 16 стиху, говоритъ человѣку: *отъ всякаго дерева въ саду ты будешь ѣсть.* Садъ, разумѣется, немислимъ безъ деревьевъ: однако, о насажденіи его говорится въ 8-мъ стихѣ, а о произращеніи его деревьевъ въ 9-мъ; и такъ какъ здѣсь не говорится о появленіи растительности вообще, то невозможно предполагать, что сначала созданъ человѣкъ, а потомъ уже насажденъ и садъ для него. Человѣкъ съ самаго момента сотворенія его былъ помѣщенъ въ раю, а не дождался гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ, пока Богъ изготавитъ для него приличное помѣщеніе: *и взялъ,* сказано въ 15 стихѣ. *Господь Богъ человѣка... и поселилъ его въ саду Едемскомъ, чтобы воздѣлывать его и хранить его,* т.-е. не въ смыслѣ—караулить, или защищать отъ нападенія дикихъ звѣрей.¹⁾ Смотрѣніе за раемъ и должно было состоять, вмѣстѣ съ обработкой, въ высшей его культурѣ. Изъ сказаннаго доселѣ видно, что экзегетъ неправѣбуквалистически держаться внѣшней грамматической послѣдовательности; видно и то, что здѣсь рѣчь идетъ не о твореніи, а о первыхъ начаткахъ цивилизаціи,—о формахъ, въ которыхъ должно выражаться господство человѣка надъ

¹⁾ Отрицаемое авторомъ пониманіе принадлежитъ къ числу древнихъ и авторитетныхъ.

природой. Поэтому то Богъ называется здѣсь не Елогимъ—премірная творческая сила, какъ въ космогоніи 1-й главы; а Иегова Елогимъ—существо близкое къ человѣку, заключающее союзъ съ нимъ. Послѣ того, какъ очерчены авторомъ отношенія человѣка къ растительному міру, ранѣе человѣка явившемуся, онъ переходитъ къ другой половинѣ органическаго царства—міру животныхъ. *И сказалъ Господь Богъ: не хорошо быть человѣку одному; сотворимъ ему помощника, соотвѣтственнаго ему. Господь Богъ образовалъ изъ земли всѣхъ животныхъ полевыхъ и всѣхъ птицъ небесныхъ* ¹⁾.

Чтобы ввести въ повѣствованіе новый элементъ и поставить его въ связь съ предшествующими, писатель возвращается къ тому моменту времени, когда, во исполненіе Божественнаго плана, были созданы животныя, т. е. къ шестому дню творенія (ст. 18 и дал.). Съ этимъ повѣствовательнымъ приѣмомъ, при которомъ нарушается обычная хронологическая послѣдовательность, мы встрѣчались и ранѣе: *и создалъ Господь Богъ человека* (ст. 7), *и насадилъ... рай* (ст. 8); или—стихъ 9: *и произрастилъ Господь Богъ всѣ райскія растенія* (говорится послѣ упоминанія о насажденіи едемскаго сада). И въ другихъ памятникахъ еврейской исторіографіи (да и не въ одной еврейской) подобные приѣмы встрѣчаются нерѣдко. Напр., въ 3-й книгѣ Царствъ, въ главѣ 6-й, писатель рассказываетъ о построеніи храма Соломономъ, описывая всѣ подробности его устройства, и въ концѣ главы замѣчаетъ: *въ четвертый годъ, въ мѣсяцъ Зифъ, ... положилъ онъ основаніе храму Господа, а на одиннадцатомъ году, въ мѣсяцъ Буль, ... онъ окончилъ храмъ со всеми принадлежностями его и по всѣмъ предначертаніямъ его: строилъ его семь лѣтъ.* ²⁾ Въ 7-й главѣ (стт. 1—12 включительно) описано построеніе царскаго дворца, которое продолжалось тринадцать лѣтъ. Сказавъ о построеніи храма и дворца, въ 13 и 14 стихахъ писатель непосредственно помѣщаетъ слѣдующія слова: *и послалъ царь Соломонъ и взялъ изъ Тира Хирама... И пришелъ онъ къ царю Соломону и производилъ у него всякія работы.* На первый разъ, если держаться буквы, можно предположить, что Соломонъ послалъ за Хирамомъ послѣ построенія

¹⁾ Стт. 18—19.

²⁾ Стт. 37—38.

храма и дворца; но изъ 2-й книги Паралипоменонъ явствуетъ, что Хирамъ былъ присланъ соименнымъ ему Тирскимъ царемъ, по просьбѣ Соломона, еще ранѣе чѣмъ были заготовлены всѣ нужные для построекъ матеріалы ¹⁾. Такимъ образомъ, въ 13-мъ стихѣ 7-й главы писатель этого отдѣла книги Царей возвращается въ повѣствованіи назадъ, съ цѣлью дополнить рассказъ новыми подробностями. Этою цѣлью часто объясняются видимо излишнія повторенія у библейскихъ писателей; какъ и въ разбираемой 2-й главѣ Бытія: ст. 8: *и помѣстилъ (Богъ) тамъ (въ раю) чело­вѣка, котораго создалъ* и ниже—ст. ¹⁵⁾ *и взялъ Господь Богъ чело­вѣка, (котораго создалъ), и поселилъ его въ саду Едемскомъ, чтобы воздѣлывать его и хранить его*. Итакъ, цѣль писателя книги Бытія въ стихѣ 18 и слѣд., какъ и ранѣе, указать планосообразность и цѣлесообразность въ хронологическомъ порядкѣ повѣствованія 1-й главы. При сотвореніи животныхъ Богъ имѣлъ намѣреніе устранить изолированное положеніе будущаго чело­вѣка въ природѣ и окружить его средними съ нимъ, по общему происхожденію изъ земли, помощниками, которыми чело­вѣкъ, владыка земли, могъ бы пользоваться какъ незамѣнимой культурной силой. Указанное намѣреніе открывается изъ дальнѣйшихъ разъясненій объ отношеніяхъ, въ которыя поставлены были къ чело­вѣку животныя. *Господь Богъ образовалъ изъ земли всѣхъ живот­ныхъ полевыхъ и всѣхъ птицъ небесныхъ, и привелъ (ихъ) къ чело­вѣку, чтобы видѣть, какъ онъ назоветъ ихъ, и чтобы, какъ наречетъ чело­вѣкъ всякую душу живую, такъ и было имя ей.* ²⁾ Что сила мысли сосредоточивается не на самомъ актѣ творенія, показываетъ уже видимая неполнота въ перечисленіи созданныхъ животныхъ: упомянуты только *живот­ное поля* и *птица небесъ*. Изъ всего обширнаго царства животныхъ писатель выбираетъ тѣхъ только представителей, которые, по своей высшей организаціи, стоятъ ближе къ чело­вѣку, и опускаетъ совсѣмъ животныхъ водныхъ и земноводныхъ, которымъ въ сказаніи о твореніи отводится надлежащее и немаловажное мѣсто (гл. 1, ст. 20 и далѣе). Господь Богъ приводитъ къ чело­вѣку животныхъ поля и птицъ неба. Названіе „животное поля“ обнимаетъ собою

¹⁾ 2, 3—16.

²⁾ Ст. 19.

всѣхъ животныхъ, живущихъ на свободѣ, въ дикомъ состояніи, и противопологается названію *бегема*, которое означаетъ животныхъ прирученныхъ, домашнихъ. „Птица небесъ“ (*ofš gamšamaim*)—общее названіе всякой вольной, свободной птицы. Изъ самыхъ наименованій животныхъ, которыхъ Богъ привелъ къ человѣку, видно, что Бытописатель обращаетъ вниманіе на ихъ дикое, некультурное состояніе, которое, по крайней мѣрѣ, для нѣкоторыхъ изъ нихъ, по соприкосновеніи ихъ съ человѣкомъ, должно было измѣниться. Отношенія, въ которыя вступаетъ первый человѣкъ къ животнымъ, опредѣляются какъ нареченіе именъ, предусмотрѣнное Богомъ. Для нареченія именъ Богъ и привелъ животныхъ къ человѣку. И приведеніе и нареченіе именъ изъясняются у толкователей различно. По Златоусту, „Богъ сдѣлалъ сіе для показанія намъ премудрости Адама, и въ знаменіе владычества его“ (Зап. на кн. Быт., стр. 47).¹⁾ По другимъ, Богъ этимъ давалъ человѣку нѣкотораго рода урокъ предметнаго или нагляднаго обученія, чтобы пробудить въ немъ первые зачатки самостоятельнаго мышленія, подвигнуть къ творческой дѣятельности въ сферѣ языка, развить аппаратъ рѣчи (это объясненіе принадлежитъ, по большей части, филологамъ). Иные, усматривая въ 18 стихѣ прямые намеки на послѣдующее сотвореніе жены²⁾, думаютъ, что Богъ, производя передъ человѣкомъ какъ бы смотръ животнымъ, проводилъ ихъ попарно и тѣмъ самымъ имѣлъ въ виду возбудить въ человѣкѣ спящую потребность брачнаго союза, а потомъ и удовлетворить ей сотвореніемъ жены.

Разсуждая о нареченіи именъ животнымъ, древніе и новыя толкователи задаются вопросомъ, всѣмъ ли животнымъ Адамъ далъ названія; если всѣмъ, то когда успѣлъ это сдѣлать; на какомъ языкѣ говорилъ при этомъ Адамъ и какія должны были быть свойства этого языка и под. На эти вопросы въ текстѣ свящ. повѣствованія нѣтъ никакого отвѣта: тѣмъ болѣе открывается произвола экзегетическимъ фантазіямъ. Намъ кажется, что нареченіе именъ можно понимать въ нѣсколько иномъ смыслѣ, при которомъ указанные вопросы были бы излишними.

¹⁾ По изд. ОЛДП 1867 г.

²⁾ Самъ авторъ, вопреки общепринятому пониманію ст. 18 в контекстѣ (ст. 20), не раздѣляетъ этого мнѣнія вполне.

Обратимъ вниманіе на нѣкоторыя мѣста Св. Писанія, гдѣ говорится о нареченіи имени. Въ псалмѣ 146-мъ, ст. 4 (по евр. счету, пс. 147) читаемъ: *Господь исчисляетъ количество звѣздъ: всѣхъ ихъ называетъ именами ихъ.* Въ книгѣ Исаян. гл. 40, ст. 26, пророкъ говоритъ: *поднимите глаза ваши на высоту небесъ и посмотрите, кто сотворилъ ихъ? Кто выводитъ воинство ихъ счетомъ? Онъ всѣхъ ихъ называетъ по имени: по множеству могущества и великой силѣ у Него ничто не выбываетъ.* Въ 43, 1 Иегова говоритъ Израилю: *не бойся, ибо Я искупилъ тебя, назвалъ тебя по имени твоему; ты—Мой;* 45, 3—4: ¹⁾ *Я Господь, называющій тебя по имени,—Богъ Израилевъ. Ради Іакова, раба Моего, и Израиля, избраннаго Моего, Я назвалъ тебя по имени, почтилъ тебя, хотя ты не зналъ Меня*“ и др. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, какъ видно изъ приведенныхъ мѣстъ, нареченіе имени служить выраженіемъ права собственности: *Я... назвалъ тебя по имени...; ты—Мой* говоритъ Господь Израилю; въ другихъ,—напр., въ выраженіи: *исчисляетъ количество звѣздъ;.. называетъ именами ихъ* изображается могущество и премудрость Иеговы, Который каждому сотворенному Имъ небесному тѣлу указываетъ соответствующее мѣсто въ общей системѣ мірозданія. О фактическомъ нареченіи Иеговою имени каждой звѣздѣ, конечно, не можетъ быть и рѣчи. Переносный смыслъ выраженія „наречь имя“ вытекаетъ изъ того значенія, которое у всѣхъ вообще восточныхъ народовъ и, въ частности, у Евреевъ имѣетъ имя. Нареченіе имени считалось дѣломъ высокой важности, составляло привилегію лицъ властныхъ, авторитетныхъ—главы семьи или рода, начальника, учителя и пр. ²⁾ Съ этой точки зрѣнія можно понимать и разбираемое мѣсто. Богъ приводитъ къ человѣку животныхъ и даетъ право нарекать каждому изъ нихъ имя, какое человѣкъ захочетъ. Это значитъ: Богъ фактически вводитъ человѣка во владѣніе царствомъ животныхъ, облачаетъ его правами царя и владыки. Человѣкъ, пользуясь данными Богомъ правами, нарекаетъ животнымъ имена, т. е.

¹⁾ Обращеніе Господа къ Кйру.

²⁾ Нѣкоторыя замѣчанія о древне-еврейскихъ именахъ собственныхъ и указаніе литературы по этому вопросу см. въ соч. *свящ. Д. Рождественскаго „Книга пророка Захарія. Исагогическое изслѣдованіе“.* Вып. I. Сергіевъ Посадъ. 1910 (стр. 10—12 и прим. 17 и 18—стр. 169—170).

указываетъ каждому животному опредѣленное мѣсто въ отношеніи себя, по степени близости и по мѣрѣ помощи, оказываемой человѣку при достиженіи его собственнаго назначенія. Что сущность нареченія именъ, главнымъ образомъ, состояла въ опредѣленіи формы отношеній между человѣкомъ и животными, это явствуетъ изъ стиха 20-го: *и нарекъ человекъ имена всѣмъ скотамъ и птицамъ небеснымъ и всѣмъ звѣрямъ полевымъ; но для человека не нашлось помощника, подобнаго ему.* Сопоставленіе этого стиха съ 19 показываетъ во-первыхъ, что въ 20 стихѣ упомянуть новый видъ животныхъ, котораго не находимъ въ стихѣ 19-мъ: именно—скотъ, бегемъ, т. е. животныя смиренныя, ручныя, домашнія—въ противоположность дикимъ животнымъ поля (*хайят гассадѣ*); во-вторыхъ, животныя распределены въ порядкѣ ихъ относительной близости къ человѣку. На первомъ планѣ поставленъ скотъ, далѣе птицы и наконецъ, животныя поля. При этомъ распределеніи животныхъ по ихъ культурному значенію, естественно, должно было оказаться, что, хотя человѣкъ сталъ не одинъ и могъ получать нѣкоторую помощь отъ животныхъ, но эта помощь была недостаточна. Необходимо было возникновеніе specialнаго союза въ его первоосновѣ—семьѣ. Этотъ недостатокъ былъ восполненъ сотвореніемъ жены. Въ повѣствованіи о сотвореніи жены заслуживаетъ вниманія та точка зрѣнія, съ которой разсматриваетъ предметъ Бытописатель. Въ 1-й главѣ говорится о сотвореніи мужа и жены, и они называются именами: *захаръ* и *некева*. Эти наименованія составляютъ особенность древняго, простаго и грубаго, по современнымъ понятіямъ, способа выраженія и не могутъ быть буквально переведены на современный языкъ съ соблюденіемъ должныхъ приличій. Они прямо указываютъ на физиологическую способность размноженія,—на отправления, отъ которыхъ зависитъ продолженіе рода. Посему, вслѣдъ за словами: *мужчину и женщину сотворилъ ихъ* читаемъ: *и благословилъ ихъ Богъ, и сказалъ имъ Богъ: плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю и обладайте ею* ¹⁾ и проч.; т. е. рѣчь идетъ о естественномъ преобладаніи вида или рода, вслѣдствіе присущей ему способности къ размноженію. 2-я глава, напротивъ, дополняя и поясняя 1-ю, представляетъ отношенія мужа и жены въ

¹⁾ Стт. 27—28.

формѣ тѣснаго общественнаго союза, въ основѣ котораго лежить, кромѣ естественныхъ, общихъ съ животными, от-правлений, единство происхожденія. Поэтому писатель употре-бляетъ и другія названія для мужа и жены: *ишъ* и *ишина*. Идея, соединяемая съ этими названіями, выражена въ стихѣ 23: *и сказалъ человекъ: вотъ, это кость отъ костей моихъ и плоть отъ плоти моей.* (Ст. 24-й—слова писателя). Изъ обзора содержанія и изложенія повѣствованія 2-й главы, начинающагося 4 стихомъ, на основаніи сказаннаго, можно видѣть, что понятіе о семьѣ, какъ соціальной единицѣ, здѣсь вполне умѣстно, потому что для господства чело-вѣка надъ землею и ея обитателями и для удовлетворенія высшихъ потребностей чело-вѣческой природы необходимъ общественный союзъ.

Что касается основываемаго на различіи въ употребленіи именъ Божіихъ (въ частности, въ 1 и 2 гл. кн. Бытія) отрицанія единства Пятикнижія; то необходимо замѣтить, что это основаніе довольно шаткое, и критикамъ-отрицателямъ нерѣдко приходится прибѣгать ко всевозможнымъ натяж-камъ для того, чтобы провести эту теорію послѣдовательно и ею оправдать свои отрицательныя положенія.

Чтобы увеличить число чисто елогистическихъ отрывковъ для составленія изъ нихъ цѣлаго, критика пользуется, напр., слѣдующими приемами: въ 17 главѣ Бытія, стихъ 1-й, ска-зано: *Аврамъ былъ девяноста девяти лѣтъ, и Господь явил-ся Авраму и сказалъ ему: Я Богъ Всемогущій (Ел-Шадаи).* Слову *Господь* въ подлинникѣ соотвѣтствуетъ имя *Иегова*. Въ дальнѣйшихъ стихахъ этой главы появляется имя *Елогимъ* (3, 9, 15 и др.). Но отдѣлить 1-й стихъ отъ послѣдующихъ не представляется возможности, потому что, въ такомъ случаѣ, рассказъ оказался бы лишеннымъ необходимаго начала. Въ объясненіе такого неудобнаго для критической теоріи обстоя-тельства замѣчаютъ, что здѣсь (въ ст. 1), вѣроятно, соби-ратель, по ошибкѣ, вмѣсто имени *Елогимъ* поставилъ при-вычное для него имя *Иегова*. Къ предположенію ошибокъ, вставокъ, перестановокъ критикамъ приходится прибѣгать довольно часто, и этимъ они открываютъ свою слабую сто-рону, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сами прямо сознаются въ своемъ безиліи. Такъ въ 28, 30, 31-й главахъ Бытія пере-крещиваются филологическія особенности, свойственныя іе-

говисту и елогисту. Въ этомъ, говорятъ, видны слѣды пользования іеговиста елогистомъ; но отдѣлить элементы, принадлежащіе тому и другому, не представляется возможности. Въ 33, 18 іеговистъ даетъ Месопотаміи названіе *Падданъ-Арамъ*; но оказывается, что раньше оно употребляемо было елогистомъ; слѣдуетъ прямой выводъ, что *Падданъ-Арамъ* вставлено позднѣйшими собирателями. Въ главѣ 5-ой Бытія употребляется наименованіе Елогимъ, но филологическіе признаки совпадаютъ въ ней съ признаками іеговистическихъ отдѣловъ; поэтому, не взирая на имя Елогимъ, эту главу приписываютъ іеговисту, выключая стихи 12—13 (*Kayser*)¹⁾, которые стоятъ въ связи съ раннѣйшимъ разсказомъ елогиста.

Еще хуже обстоитъ дѣло въ прочихъ 4-хъ книгахъ Моисеевыхъ: елогистъ начинаетъ употреблять и имя Іеговы; а такъ какъ іеговистъ съ самаго начала пользуется именемъ Елогимъ и не оставляетъ его и въ послѣднихъ книгахъ, то исчезаютъ всякія твердыя основанія къ различенію отдѣльныхъ источниковъ на основаніи различія въ употребленіи именъ Божіихъ. Вставки мнимаго собирателя увеличиваются числомъ, разрастаются въ объемъ: вмѣсто отдѣльныхъ стиховъ, какъ въ книгѣ Бытія, собиратель начинаетъ вставлять цѣлыя главы; въ книгу Левитъ попадаетъ изъ неизвѣстнаго источника обширный отдѣлъ съ 17-й главы по 26, т. е. цѣлыхъ 10 главъ. Появляются главы сработанныя (*zugeschrieben*) неизвѣстнымъ лицомъ изъ обонхъ источниковъ—елогистическаго и іеговистическаго, напр. Числ. 15, 16, 20; Исх. 24. Анализъ въ предѣлахъ этихъ книгъ становится все болѣе и болѣе скрупулезнымъ и придирчивымъ. Для примѣра сообщу результатъ его въ примѣненіи къ 13 главѣ Числ: 20 стихъ—I, 21—E, 22—24—I со вставками собирателя, 25—E, 26-й дѣлится по третямъ: 1-я—E, 2-я—I 3-я опять E и т. д. За отсутствіемъ опредѣленныхъ и ясныхъ признаковъ начинаютъ пользоваться такими приѣмами: у елогиста въ книгѣ Бытія замѣтна склонность къ точному указанію хронологическихъ и другихъ цифровыхъ данныхъ: поэтому всякое точное указаніе приписываютъ ему, хотя бы оно состояло изъ одного стиха въ срединѣ главы. Елогистъ

1) S. 35.